

MILHIST

INFO

ББК 63.3(2)44

УДК 94(47).043=161.1(045)"0/2"(470.41)

Белов Н.В. «Свияжская эпопея» лета 1551 г. и начало присоединения чувашских земель к Московскому государству

Аннотация: в статье рассматриваются события, связанные с основанием Свияжска и началом присоединения Чувашии к Московскому государству летом 1551 г. Придерживаясь точки зрения о насильственном включении чувашских земель в состав России, автор тем не менее признает благотворное влияние этого события на становление чувашской нации

Ключевые слова: XVI век, Казанское ханство, Иван IV Грозный, присоединение Чувашии, Шах-Али, Свияжск, татары, Московское государство.

Автор: Белов Никита Васильевич, студент Института истории Санкт-Петербургского государственного университета. Область научных интересов: эпоха Ивана Грозного, Русская Церковь в XVI в. belovnikita1997@yandex.ru

Литература, использованная в статье:

Тихомиров М.Н. Присоединение Чувашии к Русскому государству // Советская этнография. — 1950. — № 3.

Тихомиров М.Н. Присоединение Чувашии к России // Российское государство XV-XVII веков. — М., 1973.

Каравашкин А.В. Мифы Московской Руси: Жизнь и борьба идей в XVI в. // Опыт исторической феноменологии. Трудный путь к очевидности. — М., 2003.

Шерифи Х. «Зафер наме-и вилайет-и Казан» // Гасырлар авазы – Эхо веков. — 1995. — № 1.

Волкова Т.Ф. Казанская история // Словарь книжников и книжности Древней Руси. — Л., 1988. — Вып. 2. — Ч. 1.

Михайлова И.Б. «Казанское взятие» и эсхатологические представления Ивана Грозного // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. — СПб., 2013. — Т. 12.

Пенской В.В. «Центурионы» Ивана Грозного, часть II: Иван Семенов сын Черемисинов [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2012. — Т. III. — С. 239-296. <http://www.milhist.info/2012/11/19/penskoj_2> (19.11.2012).

Епифанов П.П. Крепости // Очерки русской культуры XVI века. — М., 1977. — Ч. 1.

Насонов А.Н. Новые источники по истории Казанского «взятия» // Археографический ежегодник за 1960 год. — М., 1962.

Дмитриев В.Д. Историография присоединения Чувашии к России // Вопросы истории Чувашской АССР. Ученые записки. — Чебоксары, 1970. — Вып. 52.

- Гусев Т.Г. Присоединение Чувашии к Русскому государству // Ученые записки ЧНИИ. — Чебоксары, 1950. — Вып. 4.
- Паньков И.П. Чуваши в составе Казанского ханства // Материалы по истории Чувашской АССР. — Чебоксары, 1958. — Вып. 1.
- Нестеров В.А. Чуваши в составе Русского государства во второй половине XVI и начале XVII веков (Очерк социально-политической истории) // Материалы по истории Чувашской АССР. — Чебоксары, 1958. — Вып. 1.
- Бахтин А.Г. Историография проблемы присоединения Марийского края к Российскому государству // Присоединение Марийского края к Российскому государству. Взгляд из XXI века. — Йошкар-Ола, 2005.
- Шмидт С.О. Продолжение Хронографа редакции 1512 года // Исторический архив. — 1951. — Т. 7.
- Дмитриев В.Д. Добровольное вхождение Чувашии в состав Русского государства // 425-летие добровольного вхождения Чувашии в состав России. — Чебоксары, 1977.
- Дмитриев В.Д. О социально-экономическом строе и управлении в Казанской земле // Россия на путях централизации. — М., 1982.
- Бахтин А.Г., Хамидуллин Б.Л. Политическая история Казанского ханства // История татар с древнейших времен. В семи томах. — Казань, 2014. — Т. 4.
- Котляров Д.А. «Вся земля Казанская» в 1521-1551 гг. // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. — СПб., 2016. — Вып. 5.
- Моисеев М.В. Политическая борьба казанской знати: историография и русские источники // Средневековые тюрко-татарские государства. — Казань, 2013. — Вып. 5.
- Мухамедьяров Ш.Ф. К вопросу о положении крестьянства в Казанском ханстве // Из истории классово-борьбы и общественной мысли в Поволжье и Приуралье. — Казань, 1962.
- Алишев С.Х. Прогрессивные последствия присоединения Среднего Поволжья к Русскому государству // Развитие гуманитарных наук в Татарии. — Казань, 1977.
- Иванов В.П. Чувашское население // История татар с древнейших времен. В семи томах. — Казань, 2014. — Т. 5.

Ссылка для размещения в Интернете:

<http://www.milhist.info/2017/01/27/belov>

Ссылка для печатных изданий:

Белов Н.В. «Свияжская эпопея» лета 1551 г. и начало присоединения чувашских земель к Московскому государству [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2017. — Т. IX. — С. 26-64. <<http://www.milhist.info/2017/01/27/belov>> (27.01.2017).

Belov N.V. “Sviyazhsk saga” of summer 1551 as the beginning of Muscovy’s conquest of Chuvashia

Summary: the article deals with events of summer 1551, which relate to foundation of the town of Sviyazhsk as the turning point in Muscovy’s expansion to conquer Chuvashia. While not disputing some negative aspect of the event, the author argues that such conquest had positive outcome in the making up of the Chuvash nation.

Keywords: sixteenth century; the Kazan Khanate; Ivan IV “The Terrible”; Chuvashia; Sviyazhsk; Tartars; the Muscovy.

Author: Nikita V. Belov is currently a student of the History Institute at the St.-Petersburg State University, Russia. His specialty is in the period of Ivan IV “the Terrible” and the history of the Russian Eastern Orthodox Church of the sixteenth century. belovnikita1997@yandex.ru

References:

Tihomirov M.N. Prisoedinenie Chuvashii k Russkomu gosudarstvu [Accession Chuvashiya to the Russian state] // Sovetskaja jetnografija. — 1950. — № 3.

Karavashkin A.V. Mify Moskovskoj Rusi: Zhizn' i bor'ba idej v XVI v. [Myths of Moscow Russia: the Life and struggle of ideas in the XVI century] // Opyt istoricheskij fenomenologii. Trudnyj put' k ochevidnosti. — M., 2003.

Volkova T.F. Kazanskaja istorija [Kazan history] // Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi. — L., 1988. — Vyp. 2. — Ch. 1.

Penskoj V.V. «Centuriony» of Ivan the Terrible, Part II: Ivan Semenov [Electronic issue] // History of military art: researches and sources. — 2012. — Vol. III. — P. 239-296. <http://www.milhist.info/2012/11/19/penskoj_2> (19.11.2012).

Epifanov P.P. Kreposti [Fortress] // Ocherki russkoj kul'tury XVI veka. — M., 1977. — Ch. 1.

Nasonov A.N. Novye istochniki po istorii Kazanskogo «vzjatija» [New sources on the history of Kazan «capture»] // Arheograficheskij ezhegodnik za 1960 god. — M., 1962.

Dmitriev V.D. Istoriografija prisoedinenija Chuvashii k Rossii [The historiography accession Chuvashiya to Russia] // Voprosy istorii Chuvashskoj ASSR. Uchenye zapiski. — Cheboksary, 1970. — Vyp. 52.

Gusev T.G. Prisoedinenie Chuvashii k Russkomu gosudarstvu [Chuvashiya accession to the Russian state] // Uchenye zapiski ChNII. — Cheboksary, 1950. — Vyp. 4.

Pan'kov I.P. Chuvashi v sostave Kazanskogo hanstva [Chuvashi in the khanate of Kazan] // Materialy po istorii Chuvashskoj ASSSR. — Cheboksary, 1958. — Vyp. 1.

Nesterov V.A. Chuvashi v sostave Russkogo gosudarstva vo vtoroj polovine XVI i nachale XVII vekov (Ocherk social'no-politicheskij istorii) [Chuvashia in the Russian state in the second half of the XVI and early XVII centuries] // Materialy po istorii Chuvashskoj ASSSR. — Cheboksary, 1958. — Vyp. 1.

Bahtin A.G. Istoriografija problemy prisoedinenija Marijskogo kraja k Rossijskomu gosudarstvu [The historiography of the problem of joining the Mari region to the Russian state] // Prisoedinenie Marijskogo kraja k Rossijskomu gosudarstvu. Vzgljad iz XXI veka. — Joshkar-Ola, 2005.

Dmitriev V.D. Dobrovol'noe vhozhdenie Chuvashii v sostav Russkogo gosudarstva [Voluntary entry of Chuvashia in the Russian state] // 425-letie dobrovol'nogo vhozhdenija Chuvashii v sostav Rossii. — Cheboksary, 1977.

Dmitriev V.D. O social'no-jekonomicheskom stroe i upravlenii v Kazanskoj zemle [On the socio-economic system and governance in Kazan] // Rossiya na putjah centralizacii. — M., 1982.

Bahtin A.G., Hamidullin B.L. Politicheskaja istorija Kazanskogo hanstva [Political history of the khanate of Kazan] // Istorija tatar s drevnejshih vremen. V semi tomah. — Kazan', 2014. — T. 4.

Moiseev M.V. Politicheskaja bor'ba kazanskoj znati: istoriografija i russkie istochniki [The political struggle of the Kazan nobility: historiography and Russian sources] // Srednevekovye tjurkotatarskie gosudarstva. — Kazan', 2013. — Vyp. 5.

Muhamed'jarov Sh.F. K voprosu o polozhenii krest'janstva v Kazanskom hanstve [The question of the position of the peasantry in the Kazan khanate] // Iz istorii klassovoj bor'by i obshhestvennoj mysli v Povolzh'e i Priural'e. — Kazan', 1962.

Alishev S.H. Progressivnye posledstvija prisoedinenija Srednego Povolzh'ja k Russkomu gosudarstvu [The progressive consequences of annexation of the Middle Volga region to the Russian state] // Razvitie gumanitarnyh nauk v Tatarii. — Kazan', 1977.

Ivanov V.P. Chuvashskoe naselenie [Chuvash population] // Istorija tatar s drevnejshih vremen. V semi tomah. — Kazan', 2014. — T. 5.

Internet link:

<http://www.milhist.info/2017/01/27/belov>

Reference link:

Belov N.V. “Sviyazhsk saga” of summer 1551 as the beginning of Muscovy’s conquest of Chuvashia [Electronic issue] // History of military art: researches and sources. — 2017. — Vol. IX. — P. 26-64. <<http://www.milhist.info/2017/01/27/belov>> (27.01.2017).

«СВИЯЖСКАЯ ЭПОПЕЯ» ЛЕТА 1551 г. И НАЧАЛО ПРИСОЕДИНЕНИЯ ЧУВАШСКИХ ЗЕМЕЛЬ К МОСКОВСКОМУ ГОСУДАРСТВУ

В XVI столетии завершается процесс складывания единого Русского централизованного государства и начинается становление многонационального политического образования, в годы петровских реформ вышедшего на международную арену в образе могущественной Российской империи. Начало этому процессу было положено в годы жестокой борьбы первого русского царя Ивана IV с татарскими юртами и напрямую связано с присоединением чувашских земель.

Если не считать малочисленные, политически пассивные народы Русского Севера, чувашаи явились первым крупным народом, признавшим над собой власть русского государя¹. После вхождения Чувашии в состав России в середине XVI в. русское правительство, по сути, впервые столкнулось с тем, что впоследствии получило наименование национального вопроса.

Прежде чем говорить о событиях 1550-х гг., необходимо вкратце рассмотреть историю взаимоотношений чувашского и русского народов в предшествующий период.

Академик М.Н. Тихомиров в свое время заметил, что «трудность изучения истории чувашского народа заключается в поразительной скудости источников, говорящих о чувашах»². И действительно, имя чувашей в русских источниках было впервые упомянуто лишь в 1521 г. в кратком сообщении Типографской летописи в связи с военным переворотом в Казани³. Имеет смысл привести столь знаменательный для истории русско-чувашских отношений летописный отрывок: «Того же лета, мая, прииде весть великому князю Василью Ивановичю всея Руси, что казанский сегит и вси князи казанския и татарове и мордва и черемиса и чюваш[и] и вси люди Казанския земли изменили великому князю и взяли себе на царство крымскаго царевича

Саап Керя, а посланного великим князем царя Шаагалия с царства збили»⁴. Так, в мятежном образе «царевых ослушников» чувашаи вошли в русское историописание. В те же самые годы этноним «чувашаи» (Czubaschi, Zuwaschi) фиксируется и австрийским дипломатом С. Герберштейном, поместившим его на страницы своих «Записок...»⁵.

До упомянутых выше казанских событий чувашаи вкупе с мордвой и марийцами нередко фигурировали в русских источниках под общим именем черемисов⁶, несмотря на то что представители чувашской народности проживали на территории Среднего Поволжья с незапамятных времен, по меньшей мере с IX в.⁷

После основания в 1221 г. Нижнего Новгорода, а также в ходе русской колонизации XIV в., затронувшей бассейны рек Суры и Пьяны, русские владения вплотную подступили к территории, населенной черемисами. Черемисов во второй четверти XIII в. «Слово о погибели Русской земли» в числе прочих народов упоминает как «бортников», т.е. — фактически данников русских великих князей («буртаси, черемиси, вьда и морьдва бортьничаху на князя великого Володимера»)⁸. Русская колонизация в районе р. Суры продолжилась и в XIV столетии. В 1372 г. по сообщению Симеоновской летописи суздальско-нижегородский князь Дмитрий Константинович «постави собе город на реце на Суре и нарече имя ему Курумышь»⁹. После присоединения Нижегородского княжества к Москве в годы правления великого князя Василия I Дмитриевича чувашские земли вплотную соприкоснулись с владениями московских государей.

Образованное на территории Среднего и Нижнего Поволжья в 30-е гг. XV в. Казанское ханство включало в себя земли двух типов: собственно татарские земли и районы расселения даннического населения, в число которого помимо чувашей входили мордва, марийцы и вотяки¹⁰. С вступлением русских самодержцев в смертельную схватку с Казанью чувашский народ обрел роль

важного политического игрока, в значительной степени способного оказать решающее влияние на ход боевых действий. Открытое выступление чувашей, составлявших ок. 50% населения ханства¹¹, на стороне русских войск могло нанести смертоносный удар враждебному Казанскому юрту.

1 сентября 1523 г. после очередного похода в глубь казанских земель, в ходе которого были разорены многие чувашские поселения, по повелению Василия III на р. Суре была основана крепость Васильсурск¹². Отныне русские гарнизоны располагались в непосредственной близости от чувашских деревень, что, впрочем, не привело к каким-либо изменениям в отношениях Москвы и чувашей. Впоследствии чувашаи неоднократно сражались с московскими полками в составе татарских войск¹³.

Неудачные походы 1536 и 1545 гг., времени малолетства великого князя Ивана Васильевича, не сломили московское правительство, готовое сражаться с казанцами до победного конца. Венчание Ивана IV на царство в январе 1547 г. возлагало на него новую миссию борьбы с врагами вселенского православия. «Войны против "неверных" агарян — казанских татар, — по выражению Р.Г. Скрынникова, — стали своего рода крестовым походом на Восток»¹⁴.

Уже 11 декабря того же года юный царь выехал из Москвы по направлению к Владимиру, намереваясь лично возглавить поход на Казань. План движения государевых ратей был следующим. Еще 20 ноября во Владимир отправились московские воеводы во главе с Д.Ф. Бельским. В то же время из Мещеры выступили полки «царя» Шах-Али и князя В. Воротынского. Обе армии должны были соединиться в устье р. Цивиль (район совр. Чебоксар), чтобы продолжить движение к столице Казанского ханства¹⁵. Но, прежде чем схлестнуться в бою с татарами, войскам Ивана IV предстояло выдержать испытание иного рода.

Зима 1548 г. выдалась чрезвычайно теплой: официальный летописец сокрушенно писал, что в дни зимнего похода «быша дожди многие, а снегов не

быша ни мало». Царь Иван прибыл во Владимир 20 декабря, однако высланная вслед за ним артиллерия значительно припозднилась, столкнувшись с неожиданной распутицей. Лишь 26 января царские полки вступили в Нижний Новгород, бывший последним значительным опорным пунктом на пути движения государевых ратей. На праздник Сретения, 2 февраля армия двинулась по волжскому льду в сторону Казани — на соединение с подошедшими уже к месту сбора полками Шах-Али и Воротынского. Неожиданно усилившиеся «теплота велика и мокрота многая» вынудили царя прервать поход: истончившийся лед не выдерживал тяжести артиллерийского наряда, орудия одно за другим погружались в ледяную волжскую воду. Выход был только один. На соединение со стоявшими в устье Цивили полками Иван IV отправил воеводу Д.Ф. Бельского, а сам вместе с артиллерией скрепя сердце вернулся в Нижний Новгород¹⁶.

Без артиллерии о взятии хорошо укрепленной крепости можно было забыть. Князю С. Микулинскому с передовым полком удалось серьезно потрепать противника на Арском поле и «втоптать» татар в город. Этим, однако же, дело и ограничилось: простояв у стен Казани семь дней, войска повернули обратно¹⁷. Зимняя кампания 1547/1548 г. не принесла Москве никаких положительных результатов.

Поход зимы 1549/1550 г. также завершился провалом. Соединившись в Нижнем Новгороде, царские войска 23 января выступили на Казань. И вновь в дело вмешалась непогода: по сообщению официального летописца, непрекращающиеся дожди уже через 11 дней осады вынудили Ивана IV отступить¹⁸. Неудаче военной экспедиции способствовали и другие неблагоприятные для русского командования факторы. Донесение астраханца Шерифи, в 1550 г. посланное турецкому султану Сулейману I, решающей причиной отступления русских войск называет значительные потери, понесенные в ходе ожесточенных боев с защитниками города¹⁹. Отрицая

данный факт, Новоспасский архимандрит Нифонт (Кормилицын) первостепенное значение придает измене «безбожных кровопивцев» татар, якобы лживо обещавших Ивану IV сдать город, но при подходе московских полков начавших «против стояти»²⁰. Так или иначе, целый комплекс причин привел в итоге к краху зимней кампании. Казань выстояла. Потрепанное русское войско отступало вверх по Волге...

Во время отхода полков по направлению к Нижнему Новгороду было принято решение об основании крепости в устье р. Свияги. Летописи единодушно приписывают идею строительства укрепленного пункта молодому государю²¹. По указанию Ивана IV был созван совет, на котором присутствовали царские воеводы, Шах-Али и перешедшие на московскую службу казанские князья²². По совету последних и было выбрано место строительства крепости: Круглая гора на месте слияния Свияги с Волгой — «место строино и твердо велми».

Казанский летописец сообщает, что царь, усмотрев место для будущего города, скрыл свое намерение от окружения («не рече ничтоже им да не разгневаютца нань, и паче времени не суще») и лишь весной 1551 г. без всякого совета с военным командованием отправил к свияжскому устью воевод и касимовского правителя вместе с «готовым деревянным градом»²³. Данное свидетельство, однако же, следует признать ложным. В данном случае летописец, во всем стоявший на стороне царя в годы острого противостояния государя и знати²⁴, существенно исказил истину в угоду Ивану IV. Реальность военного совета февраля 1550 г. подтверждается данными более раннего летописного памятника — т.н. Летописца начала царства. Впоследствии данный фрагмент без каких-либо поправок оказался помещенным на страницы Никоновской летописи²⁵, и лишь в годы опричнины ставшие «неудобными» сведения о совете с боярами были полностью убраны из официального летописания:

Летописец начала царства	Царственная книга
<p>«И призывает благоверный царь к себе царя Шигалея и воевод своих и Казанских князей, которые были с ним у города у Казани, и учал царь и великий князь советовать, о тех бы местех поставити ему град Казанского для дела и тесноту бы учинити Казанской земле. И царь Шигалеи, великого князя бояре и Казанские князи государеву мысль похвалили. Царь Шигалеи и князи Казанские великому князю место сказали, и благоверный царь на место приехал и Божиим благоволением место полюбил, где быти граду и церквам святым стояти, Круглую гору». (С. 59.)</p>	<p>«И благоверный царь на место приехал и Божиим благоволением место полюбил, где быти граду и церквам святым стояти, Круглую гору». (С. 461–462.)</p>

Окончательное решение об основании крепости было принято на совещании царя Ивана с Боярской думой, касимовским правителем Шах-Али и отъехавшими к Москве казанскими князьями²⁶, состоявшемся вскоре после возвращения государя в столицу весной 1550 г.

Основной целью строительства русской крепости в устье Свияги, несомненно, являлось создание плацдарма для дальнейшего наступления на Казань. Безуспешные зимние походы 1547/1548 и 1549/1550 гг. наглядно показали, что взять столицу Казанского юрта, опираясь на такой дальний укрепленный пункт, как Нижний Новгород, представляется едва ли возможным. Да и сама идея зимней кампании себя в значительной степени дискредитировала: бороться с «аерными нестроениями» царские воеводы были

явно не в силах. Отдавая приказ об основании крепости, Иван IV намеревался также «тесноту... учинити Казаньской земли»²⁷. Смысл «тесноты» достаточно четко раскрывает сообщение Казанского летописца: разместившиеся в городе русские войска, «яко дома во граде своем на Руси живуще», должны были совершать разорительные набеги на казанские земли, доставляя тем самым противнику немалый урон²⁸.

Были ли у московского царя более далеко идущие планы, придавал ли он строительству крепости иной смысл, не только как военному форпосту на востоке? Текст Летописца начала царства позволяет с осторожностью предположить, что новооснованный град изначально должен был стать центром христианизации волжского правобережья: «И человеколюбец Бог, видев благоутробие его (Ивана IV. — *Н.Б.*) и веру велию и подвиг православных его ради веры, вложи в сердце его свет благоразумия о благодати Божии, да просветится свет в темне месте, да просияет вера православная, да потребится вера безсерменская на месте том, да утвердится церкви Божия, да просияет благодать Божия спасительная на месте скверне»²⁹. За панегирически-отвлеченными, на первый взгляд, строками летописца трудно не увидеть трезвый государственный расчет: усиление христианского влияния в регионе как нельзя лучше могло способствовать органической интеграции «страны горной черемисы» в состав Московского государства. Будучи расчетливым политиком, Иван IV не мог не понимать, что удержать приволжские земли силой одного лишь меча невозможно. Мирная миссионерская деятельность православного духовенства в этом случае оказывалась не менее эффективна, чем жестокие карательные акции государевых воевод. Кроме того, ликвидация оплота «богопротивников» и последующая христианизация Казанского края в условиях чрезвычайного усиления эсхатологических ожиданий являлись едва ли не главными целями московского правительства, последовательно возводившего здание «Нового Израиля» — Святорусского царства³⁰. Осведомленный летописец отнюдь не случайно заметил, что царь Иван, отдавая приказ о строительстве, повелел «церквей и города рубити»: основание

церквей, таким образом, в глазах монарха имело отнюдь не маловажное значение³¹.

По приказу царя в вотчину Ушатых под Угличем был направлен дьяк И. Выродков — заготовливать бревна для будущей крепости³². Предстояла сложная задача: в устье Свияги в рекордно короткие сроки надлежало возвести мощные укрепления, которые бы стали надежным оплотом московского государя на Средней Волге. И сделать это надо было буквально под носом у казанцев. Поручив это предприятие талантливому инженеру Выродкову, государь не прогадал. Уже к весне следующего 1551 г. работы в углицких лесах были завершены, можно было выступать в поход. «Свияжская эпопея», потрясшая современников своим размахом и стремительностью, началась...

3 апреля 1551 г. воеводы выступили из Москвы³³. Собравшись в районе Нижнего Новгорода, полки под началом Ю.М. Булгакова погрузились на суда и отправились вниз по Волге. Воевод в походе сопровождали касимовский правитель Шах-Али, а также возглавляемый князем Костровым отряд казанских князей и мирз — всего около 500 человек³⁴. Казанский летописец, в отличие от других источников, на первый взгляд, достаточно точно называет дату начала похода: «И пливше 30 дней и приидоша в землю Казаньскую, на реку Свиягу, на место указанное им и, мая месяца в 16 день»³⁵. В 1640-х гг. ставшая «каноничной» дата была воспроизведена троицким книжником Симоном Азарьиным на страницах новой редакции Жития прп. Сергия³⁶. Однако автор летописца в данном случае допустил весьма существенную неточность, обнаружить которую удастся при привлечении текста Никоновской летописи, восходящего к более раннему свидетельству Летописца начала царства. Первые русские отряды достигли устья Свияги 17 мая, но то были не судовые рати, а передовой отряд князя П. Серебряного, накануне выступившего из Нижнего Новгорода³⁷. Приняв во внимание более точную датировку прибытия основных воинских сил (24 мая³⁸), можно отнести начало похода к середине 20-х чисел апреля.

Пока судовая рать неспешно продвигалась к Круглой горе, необходимо было отвлечь татар, не позволив им выставить в поле сильный заслон. Основная тяжесть операции возлагалась на князя Серебряного, который, как уже говорилось, 16 мая покинул Нижний Новгород и направился к устью Свияги. Под началом Серебряного помимо поместной конницы находились также отряды стрельцов и казаков³⁹. Отслужив праздничный молебен (в тот день была Святая Троица) на месте будущей крепости, войска князя изготовились к битве. На рассвете («на первом чясу дни») 18 мая Серебряный «изгоном» обрушился на казанский посад. Несмотря на то, что часть войск князя заблудилась в густом утреннем тумане, атака оказалась чрезвычайно успешной: воевода «побил многих людей, и живых поимали, и полону, русского много отполони, а князей и мурз великих болши ста убили»⁴⁰. Потери Серебряного оказались куда менее значительны: убитыми и пленными князь потерял около 50 человек. Посеяв панику в татарской столице, Серебряный отошел к Круглой горе, где стал поджидать скорого прихода воеводы Булгакова и «царя» Шах-Али⁴¹.

24 мая судовая рать достигла свияжского устья⁴². На следующее утро, в день памяти Иоанна Предтечи, под руководством «хитреца и градоздавца и делателя» И. Выродкова спешно начали возводить крепостные укрепления. Четыре недели спустя на Круглой горе стал новый укрепленный пункт, получивший название Ивангород (Новгород Свияжский, Свияжск)⁴³.

Протянувшиеся на 1200 саж. крепостные стены Свияжска состояли из 420 городен — деревянных срубов, заполненных землей⁴⁴. Значительная часть деревянных конструкций прибыла вместе с судовой ратью (в писцовой книге 1565–1567 гг. эти городни получили название «верховских»), другая часть была «зделана» уже по прибытии войска к устью р. Свияги⁴⁵. По воспоминаниям князя Курбского, это был «воистинну зело прекрасный град»⁴⁶!

Московское командование приложило немало усилий, чтобы предотвратить попытки казанцев помешать масштабному строительству. Как только войска князя Булгакова начали длительный переход по Волге, из

Мещеры выступил крупный отряд в 2,5 тыс. казаков под началом атаманов Северги и Елки. М.Г. Худяков в свое время отождествил казацкий отряд с касимовскими татарами⁴⁷, однако данную атрибуцию следует признать ошибочной. В разрядных росписях на 1551 г. полевыми командирами служилых татар названы Б.И. и Г.М. Сукины, не упоминавшиеся в летописных статьях в связи с июньскими «похождениями» казаков⁴⁸. Да и имя казацкого атамана Северги, героически погибшего накануне «Казанского взятия»⁴⁹, связать со служилыми татарами представляется решительно невозможным. Достигнув Волги, казаки Северги должны были построить струги и идти на соединение с воеводами, попутно разоряя казанские земли. Другие казачьи отряды по повелению Ивана IV блокировали основные пути сообщения ханства: переправы по Волге, Вятке и Каме. На помощь казацким атаманам был послан отряд вятчан, занявших оборону на камских перевозах⁵⁰.

Блокировав коммуникации Казанского юрта, военное командование приступило к запугиванию местного черемисского населения. Казанский летописец донес отголосок жестокого царского приказа: воеводам поручалось «казанския улусы пленити и воевати, и не щедити ни жен, ни детей, ни старых, ни юных, но всех под меч клонити». Едва только на Круглой горе застучали топоры, отряды русских ратников ринулись на черемисские селения, принявшись «воевать и пленить горные черемисы и нижния»⁵¹. Исходя из летописных текстов, в карательной акции принимали участие отряды поместной конницы, прибывшие к свияжскому устью вместе с судовой ратью. Однако не исключено, что к ним присоединились и упоминаемые в разрядах части служилых татар, выступивших в поход под руководством Б.И. и Г.М. Сукиных⁵².

Любопытно, что сведения о терроре содержатся лишь в позднем Казанском летописце. Возможно, составитель Летописца начала царства не захотел помещать на страницах летописи сообщение о жестокой акции московских воевод, живо напоминавшей стремительные татарские набеги.

Данный фрагмент текста Летописца впоследствии без всяких изменений вошел в состав позднейших летописных памятников⁵³.

Являлась ли жестокая акция мая 1551 г. событием беспрецедентным? Тримя десятилетиями ранее в ходе строительства на территории черемисских земель в сентябре 1523 г. крепости Васильгород (Васильсурск) для прикрытия фортификационных работ государь Василий III отдал аналогичный приказ: «воевати и пленити Казанские места по луговой стороне и по горней»⁵⁴. Исполняя волю великого князя, воеводы «казанские места плениша, възвратишяся здрави, мног плен с собою приведоша»⁵⁵, попутно было приведено к «шерти» значительное число селений мордвы и черемисы⁵⁶. Подобный маневр должен был обезопасить фортификационные работы в устье р. Цивиль и одновременно способствовать склонению в подданство местного населения. Судя по всему, положительно зарекомендовавшая себя тактическая модель была успешно применена и весной 1551 г.

Развязанный государевыми воеводами террор вскоре принес свои плоды. Благодаря умелым действиям казаков Горная сторона была отрезана от Казанского юрта. Напуганные стремительным набегом Серебряного, татары укрылись в Казани, не решаясь выступить против русских полков. У оказавшихся в западне чувашей волжского правобережья был лишь один выход — присягнуть на верность грозному московскому царю. По сообщению официального летописца, напуганные жители Горной стороны «начяша к царю (Шах-Али. — *Н.Б.*) и воеводам приежжяти и бити челом, чтобы их государь пожаловал, гнев свои им отдал, а велел бы им быти у Свяжского города и воевати их не велел»⁵⁷.

Много позднее князь-эмигрант А.М. Курбский на страницах знаменитой «Истории о великом князе Московском» неслучайно заметит в отношении жителей Горной стороны, что те признали царскую власть поневоле («яже хотяще и не хотяще покоршася»)⁵⁸. Сходным образом охарактеризовал ситуацию и келарь Троице-Сергиевой обители Адриан Ангелов, напрямую связавший миссию чувашского посольства с военно-политическим давлением,

оказанным со стороны московских воевод («и видевшие нечестивии, яко таково утеснение николи им бываше никогда же, и начаша многие приезжати к воеводам и бити челом...»)⁵⁹.

Итак, о *силовом* характере присоединения Горной стороны сообщает целый ряд независимых источников.

В этой связи совершенно нелепыми представляются попытки ряда историков преподнести присоединение чувашских земель как исключительно мирную акцию, волеизъявление чувашского народа.

Существенный вклад в формирование историографического мифа о «мирном» вхождении Чувашии в состав России внесла статья М.Н. Тихомирова, напечатанная в № 3 журнала «Советская этнография» за 1950 г., явившаяся первым специальным исследованием вопроса⁶⁰. В своей статье академик, самым поверхностным образом рассмотрев повествующие о «Свияжской эпопее» летописные источники, пришел к выводу о том, что события лета 1551 г. неверно интерпретировать как завоевание. «Таким образом, — заключает исследователь, — мы имеем право говорить не о завоевании Чувашии Россией, а о присоединении Чувашии к Русскому государству»⁶¹. В том же году совершенно независимо от исследования М.Н. Тихомирова увидела свет статья историка Т.Г. Гусева, в которой также доказывался мирный характер вхождения чувашских земель в состав Московского царства⁶². В конце 1950-х гг. разработанные М.Н. Тихомировым и Т.Г. Гусевым положения были подхвачены в статьях И.П. Панькова⁶³, В.А. Нестерова⁶⁴, посвященной истории Марийского края монографии С.А. Коробова⁶⁵. Сходных взглядов придерживался Г.Н. Айплатов⁶⁶. Поддержали концепцию «добровольного» присоединения Горной стороны и видные исследователи русского Средневековья С.О. Шмидт⁶⁷ и А.А. Зимин⁶⁸.

По верному замечанию А.Г. Бахтина, «обоснование добровольного и мирного присоединения к России нерусских народов призвано было выполнить важную идеологическую задачу в деле единения народов СССР»⁶⁹, что в

особенности было важно в 1950-е гг. в связи с 400-летним юбилеем присоединения Казанского ханства к России.

Основные положения вышеуказанных работ получили развитие в трудах выдающегося исследователя истории Чувашии В.Д. Дмитриева. Историк полагал, что к моменту основания Свияжска сложились все предпосылки для мирного и добровольного вхождения чувашских земель в состав России. Опираясь на данные Никоновской летописи, продолжения Хронографа редакции 1512 г., а также Разрядной книги 1475–1598 гг.⁷⁰, В.Д. Дмитриев пришел к выводу, что в 1546 г. вспыхнуло всеобщее восстание «горных людей» против ханской власти, следствием чего стала отправка в Москву посольства с просьбой о помощи в борьбе с ненавистным Сафа-Гиреем. Касаясь вопроса о терроре, развязанном государевыми воеводами в землях чувашей в мае 1551 г., исследователь в категоричной форме заключил, что свидетельство Казанского летописца — не более чем проявление «богатой фантазии» автора. По мнению историка, сразу же после прихода в устье Свияги русских полков враждебное казанским феодалам чувашское население изъявило желание присягнуть на верность царю Ивану. Причем, как утверждал В.Д. Дмитриев, главными инициаторами присяги выступили не князья и мирзы, а представители чувашской элиты (в работе 1976 г. Дмитриев пошел еще дальше, заключив, что посольство «горных людей» было представлено «простыми крестьянами»⁷¹). «Стало быть, — заключает историк, — сторонниками вхождения Чувашии и других районов Горной стороны в состав России были в основном трудовые массы, представленные старейшинами, а также некоторая часть сотных князьков, но не князья и мирзы»⁷². Концепция «мирного» присоединения Горной стороны вскоре стала официальной, войдя в основные академические издания истории СССР, ЧАССР, МАССР и ТАССР⁷³. Не утратила она своей популярности и по сей день, отчасти получив признание в работах таких крупных исследователей как А.Г. Бахтин⁷⁴, Д.А. Котляров⁷⁵ и др.

Разберем основные положения работ наиболее ревностного и последовательного сторонника вышеизложенной концепции В.Д. Дмитриева.

Одним из главных аргументов историка в пользу окончательно созревших предпосылок мирного вхождения Чувашии в состав России летом 1551 г. является, как было упомянуто выше, посольство Горной стороны к Ивану IV в 1546 г. Приведем фрагменты источников, на которые в этом вопросе главным образом опирается исследователь:

Никоновская летопись	Продолжение Хронографа редакции 1512 г.	Разрядная книга 1475–1598 гг.
<p>«Тоя же осени, декамвриа 6, прислали к великому князю бити челом горнна черемиса Тугай с товарищи дву черемисинов, чтобы государь пожаловал, послал рать на Казань, а они с воеводами государю служити хотят». (С. 149.)</p>	<p>«Тое же зимы посыла[л царь] и великий князь из Мурома в К[азаньские] места боярина и воеводу св[оего кня]зя Александра Борисовича [Горбато]го да князя Семена Иванов[ича Мику]линского и иных своих воевод со многими людми Московские земли и Новгородские по челобитию черемисы Горние стороны, а просила Горняя черемиса царя Шигалея на Казань, а хотели итти к Казани и царя с Казани сослати» (С. 291.)</p>	<p>«Лета 7055-го февраля посылка в казанские места боярина и воеводы князь Александра Борисовича Горбатого и иных воевод по челобитию горные черемисы сотника Атачика с товарищи, что оне хотели государю великому князю служити и великого князя воевод за Василемгородом встретити, и с воеводами итти х Казани». (С. 110.)</p>

На основании данных источников В.Д. Дмитриевым делается вывод о том, что чувашские старшины просили у Ивана IV помощи против казанских

татар, намереваясь пойти на Казань и сместить с престола хана Сафа-Гирея, заменив его русским ставленником Шах-Али.

За полгода до описываемых в Хронографе событий Сафа-Гирей захватил власть в столице Казанского юрта, изгнав оттуда Шах-Али, и установил в ханстве режим военной диктатуры, опираясь при этом на крымскую гвардию. Промосковская партия при Казанском дворе оказалась разгромленной⁷⁶. Новое правительство явно не пользовалось поддержкой ни татарской знати, ни рядового населения ханства, страдавшего от своеволия крымцев⁷⁷. 20 сентября в Москву прибыло около 80-ти представителей казанской элиты, бежавших от террора Сафа-Гирея⁷⁸.

Представляло ли чувашское посольство интересы всей «промосковски настроенной» Горной стороны, как о том пишет В.Д. Дмитриев? Возможно, поместив рассказ о посольстве «горной черемисы» сразу же после известия о приезде в Москву беглых казанских князей, составитель Никоновской летописи недвусмысленно дал понять, что эти события напрямую связаны между собой. Поход московских воевод, осуществленный «по горних людей челобитию», показывает, что чувашские послы выражали чаяния отнюдь не всей Горной стороны. Посланные «воевати казанских мест» царские войска были встречены чувашскими отрядами (судя по всему, весьма немногочисленными) на самой границе татарских владений — неподалеку от русской крепости Васильсурска. Обнаружив отсутствие касимовского правителя Шах-Али, чувашки разошлись, государевы же воеводы с боями продвигались по территории чувашского края и, достигнув устья Свияги, повернули вспять⁷⁹. Всеобщего восстания на деле не произошло, идти к Казани были готовы лишь несколько сотен человек «горной черемисы». Чувашские старшины явно не горели желанием «государю великому князю служить», предпочитая по-прежнему ориентироваться на Казань. Можно предположить, что упоминаемый в Разрядной книге черемисский сотник Атачик «с товарищи» был как-то связан с одним из высокопоставленных казанских феодалов, принадлежавших к разгромленной Сафа-Гиреем промосковской партии. Выражая интересы, прежде всего,

низвергнутой политической группировки, посольство Атачика ставило перед собой лишь одну цель: добиться выступления русских войск на Казань с последующим смещением крымского узурпатора Сафа-Гирея.

Делая заявление о недостоверности сообщения Казанского летописца по поводу устроенного воеводами в мае 1551 г. террора, В.Д. Дмитриев совершенно игнорирует свидетельство Летописца начала царства, перешедшее затем и в другие русские летописи. На третий день после закладки новой крепости чувашские послы, обращаясь к Шах-Али, просили, чтобы Иван IV «гнев свои им отдал... и воевати их не велел»⁸⁰. Сведения Летописца начала царства, как можно видеть, полностью подтверждают вымышленное, по мнению В.Д. Дмитриева, сообщение о разорении чувашских селений. Отсылка к *уникальному* сообщению краткого летописца Игнатия Зайцева («а горняя черемиса мирна заложила за великого князя»)⁸¹ также выглядит малоубедительной: едва ли чрезвычайно далекий от военной службы волоколамский монах был хорошо осведомлен о событиях, произошедших близ свияжского устья в мае 1551 г.

Тезис В.Д. Дмитриева о непричастности татарских князей и мирз к челобитью жителей Горной стороны, основанный исключительно на *единичном* свидетельстве «фантазийного», по мнению самого историка, Казанского летописца⁸², также не выдерживает критики. Князья и мирзы, вопреки утверждениям исследователя, упоминаются в официальном летописании и в связи с посольством «горных людей» в Москву, и позднее — при присяге на верность царю Ивану и раздаче государева «жялованья» за верную службу⁸³. Да и главы первого посольства (Магмет Бузубов и Ахкубек Тугаев) едва ли принадлежали к черемисским сотным головам, являясь, скорее, представителями татарской знати.

Таким образом, плохо согласующиеся с данными источников построения В.Д. Дмитриева представляются автору данных строк весьма шаткими. А сама концепция «мирного и добровольного» вхождения чувашских земель в состав Московского государства вступает в острое противоречие со сведениями как

официального летописания, так и позднейших памятников: Казанского летописца, свидетельства Адриана Ангелова и сочинения князя А.М. Курбского.

Итак, не ненависть к казанским угнетателям, но именно вооруженные «летучие отряды» московского царя, опиравшиеся на мощную Свияжскую крепость, вынудили «горных людей» «бити челом», просясь под сильную руку Ивана IV. Русские феодалы, страстно желавшие завладеть воспетой И.С. Пересветовым «подрайской землицей», едва ли представлялись населению Горной стороны более мягкими и гуманными, нежели их татарские предшественники, ограничивавшиеся лишь сбором ясака и иных повинностей⁸⁴.

Как бы то ни было, представители местной элиты обратились к главе русской власти в казанском приграничье, касимовскому правителю Шах-Али, «чтобы им ослободил ехати бити челом ко царю государю великому князю»⁸⁵. По решению свияжской военной администрации в Москву была направлена делегация во главе с Магметом Бузубовым и Ахкубеком Тугаевым, от лица всей Горной стороны принесших присягу на верность царю Ивану. Фактически на верность государю присягнуло все местное население (в т.ч. татарская знать), иерархия которого воспроизведена на страницах Летописца начала царства: «И Магмет с таварыщи государю били челом ото всее Горние стороны, от князеи и мырз, сотных князеи и десятных и чювашеи и черемисы и казаков»⁸⁶. Чуваши, как мы видим, не были единственными новыми подданными Ивана IV. Но они являлись наиболее многочисленным народом, населявшим волжское правобережье, через земли которого царским воеводам предстояло идти на Казань.

Обязываясь вечно служить русскому государю и никогда не возвращаться под власть казанских ханов, послы просили снизить ясак и выдать им жалованную грамоту, «как им вперед быти» (закреплявшую за «горной черемисой» ее исконные земли). Царь Иван, недвусмысленно взявший курс на умиротворение новоприобретенного края, «дал им грамоту жяловалную со

златою печатью, а ясаки им отдал на три годы». Послы были богато одарены царем «великим жялованием шубами и денгами»⁸⁷.

Данное сообщение официального летописца впоследствии позволило ряду исследователей выдвинуть предположение о временной отмене взимания ясака («а ясаки им отдал на три годы») на территории всего подконтрольного Москве волжского правобережья⁸⁸.

А.А. Зимин и А.Л. Хорошкевич в своей совместной работе справедливо усомнились в том, что налоговые привилегии были распространены на все население края⁸⁹. Действительно, текст Летописца начала царства донес до нас отголоски царских распоряжений, спешно посланных в Свияжск. Местному населению было предписано «дани и оброки черным людем платити, как их государь пожялует и как прежним царем платили»⁹⁰. По всей видимости, «полахчение в ясакех» распространялось лишь на «нарочитых людей» Горной стороны, в то время как «черные люди» продолжали нести ясачную повинность «по старине» — «как прежним царем платили». Подтверждение этой мысли находим в тексте все того же Летописца: в октябре 1551 г. татарское посольство безуспешно добивалось права получения Казанью собираемого русским правительством ясака («государь бы пожяловал, ясаков з Горние стороны придал, сколько пожялует»). Ответ царя Ивана был категоричен: «...государю Горние стороны х Казани ни одное денги не отдавывати»⁹¹. Данное обстоятельство недвусмысленно указывает на тот факт, что основная часть населения «страны горной черемисы» не получила от Ивана IV налогового иммунитета, а временное освобождение от выплаты ясака было пожаловано царем членам посольств Горной стороны в Москву, определенную часть которых составляла изменившая ханскому престолу казанская знать.

Если верить сведениям Казанского летописца, для исправной выплаты ясака на Свиягу были направлены писцы, описавшие 40 тысяч луков «гарздых стрелцов»⁹², в заслуживающей доверия интерпретации академика М.Н. Тихомирова — «взрослых людей, умевших стрелять из лука»⁹³. Подобная «единица налогообложения» не должна вызывать удивления: современники

свидетельствовали, что чувашаи были известны в первую очередь в качестве непревзойденных лучников. Так, по сообщению С. Герберштейна, татары использовали чувашское ополчение как «весьма искусных стрелков»⁹⁴; много позднее А. Гваньини также отметит, что чувашаи «все очень искусные стрелки и никогда не выпускают из рук лука»⁹⁵.

Помимо обещания платить в царскую казну положенный ясак, жители Горной стороны обязывались беспорочно служить государю и лишались права владения русскими пленными⁹⁶.

По указанию царя Ивана свияжские воеводы должны были испытать верность новых подданных, которым московское правительство не имело поводов безусловно доверять. «А приказал царю (Шах-Али. — *Н.Б.*) и воеводам, чтобы всю Горную сторону приведши к правде послали к городу Казани, а с ними бы послали того смотрити детеи боярских и казанских князеи, прямо ли госудаю станут служити, по тому их правду и узнают», — так передал царский наказ официальный летописец⁹⁷. «Правду есте государю учинили, поидите жо, покажите свою правду государю, воюите его недруга», — доносит до нас летопись подлинные слова царской грамоты с призывом к борьбе против вчерашних казанских угнетателей⁹⁸. Чувашаи под присмотром русских служилых людей и верных Ивану IV казанских князей должны были показать себя в деле, совершив военный рейд в самое сердце татарских владений.

Чувашско-черемисские войска, воспользовавшись предоставленными им для похода казачьими «перевозами», форсировали Волгу, вступив на Луговую ее сторону. На Арском поле под Казанью чувашская рать билась с татарами и заставила их отступить в город. И лишь огонь казанской артиллерии, специально вывезенной из крепости, обратил чувашей в бегство, «и убили у них казанцы человек со сто, а с пятьдесят живых поимали». Вернувшиеся вместе с чувашами служилые люди, посланные следить за верностью новых подданных, доложили русскому командованию, «что горние люди служили государю прямо»⁹⁹. Поход не только продемонстрировал правительству верность чувашей и черемис, но и отрезал последним пути к отступлению:

отныне они должны были сделать все, чтобы не допустить возвращения своего края под власть казанских татар, не отличавшихся обыкновенно по отношению к ослушникам особой гуманностью.

Снискав царское доверие, «горние люди» были направлены в Москву, где удостоились поистине царского приема. Все лето 1551 г., сообщает летописец, чувашско-черемисские делегации по 500–600 человек ездили на прием к московскому царю. Иван IV всеми силами старался расположить к себе население новоприобретенного края, жаловал послов «великим жялованьем», приглашал к царскому столу. Чувашские и марийские посланцы получили из царской казны шубы «камчяты и отласные», молодым достались «однорядки и сукна и шубы бельи, а всех государь пожяловал доспехи и конми и денгами»¹⁰⁰.

Политика Ивана IV оказалась чрезвычайно действенной. Еще недавно под властью казанцев чувашский народ находился на положении «черного», второсортного населения Казанского юрта, несомненно, испытывая также и религиозный гнет¹⁰¹. Теперь же они были удостоены великой милости царя, не скупившегося на щедрые льготы, подарки и угощения. Оставалось лишь доблестно сражаться против общего врага.

Впервые столкнувшись с фактом вхождения в состав Русского государства крупного нерусского народа, молодой Иван IV, очевидно, первым из российских государей заложил основной принцип взаимоотношений «метрополии» с присоединенными территориями инородцев, состоявший в активном привлечении правящего класса новообретенного края на сторону центральной власти. Щедрые раздачи и пожалования должны были обеспечить безусловную лояльность местной элиты, державшей под контролем присоединенную территорию. Схема, примененная государем Иваном Васильевичем в отношении Горной стороны, успешно воспроизводилась на протяжении последующих веков развития многонациональной империи, отличавшейся значительной национальной и религиозной терпимостью. Красноречива в этой связи торжественная фраза, отпущенная официальным летописцем в адрес царя Ивана: «А государево жялование к ним (чувашам и

черемисам. — *Н.Б.*) не оскудевает, но паче государь прибавливает, многое множество раздаваше, паче же своих воинов жялующи, в передних бо летописцех таких расходов не пишет, каково государь жялованье к своим и ко всем приходящим показывает»¹⁰².

Царский курс, направленный на задабривание новых подданных путем значительных «одариваний» и льгот, предоставляемых «нарочитым людям», принес свои плоды, которые, быть может, превзошли все ожидания московских политиков. Не только местная элита, но и рядовое население Горной стороны восприняло присоединение края к Московскому государству с воодушевлением. Вот как передал радостные настроения чувашского народа московский летописец: «И видев то государево жялование к себе и страх на себя Божиим милосердием и его государевым промыслом, прямили государю почяли и служити правдою и на Луговую сторону ходити воевати и языков добывати... И видев такую его любовь и жялованье и на всяк чяс попечение о людех порученных ему от Бога и все почяли тщитися, как за Бога и за него государя пострадати...»¹⁰³. Живо интересовавшийся казанскими делами Игнатий Зайцев в своих летописных записях также упомянул, что пытавшихся прорваться сквозь государевы заслоны казанцев горные черемисы «побивали украдом»¹⁰⁴. Помимо участия в военных экспедициях, чувашки оказывали значительное содействие строителям и гарнизону Свияжска, не только помогая возводить крепостные укрепления, но и снабжая царевых людей необходимым провиантом¹⁰⁵.

Желание рядовых («малых») чуваш «прямить» Ивану IV во многом следует объяснять особенностями их социальной организации. К середине XVI столетия общественный строй жителей Горной стороны по-прежнему базировался на родоплеменных отношениях. Местные «нарочитые люди» (десятные и сотные князья) не могут еще быть причислены к феодальному классу, напротив, они неразрывно связаны со своими родовыми «кланами». Власть чувашских «князей» среди единоплеменников, по точному определению С.Х. Алишева, «опиралась не на насилие, не на дружинную организацию,

оторванную от народа, а на личное достоинство, авторитет и патриархальную традицию "старшинства"»¹⁰⁶. Таким образом, нас не должна удивлять та восторженная реакция, с какой «черные люди» восприняли одаривание их общинных лидеров, отправившихся в далекую Москву на поклон к грозному русскому государю.

Стремительно разворачивавшиеся на правом берегу Волги события долгое время оставались тайной для казанских властителей. Настойчивый слух о строительстве в устье Свияги русской крепости казанцы воспринимали скептически, полагая, что готовящиеся к обороне московские полки развернули на Круглой горе знаменитый гуляй-город, хорошо знакомый казанским татарам по предшествующим битвам¹⁰⁷. Появление под Казанью чувашско-черемисских отрядов в июне 1551 г. развеяло всякие иллюзии и посеяло настоящую панику в правящих кругах. Казанская знать всячески противилась дальнейшему сопротивлению царским войскам. Однако ханша-регентша Сююн-Бике, всецело находившаяся под влиянием главы крымского гарнизона (в то время игравшего в Казани роль придворной гвардии) оглана Кучака (Кошача), бескомпромиссно призывала казанскую элиту к продолжению борьбы¹⁰⁸. Позиция ханши определялась элементарным политическим расчетом: в случае заключения промосковской партией мира с царем Иваном она была обречена — на место ее малолетнего сына Утямыша русский государь поставил бы марионетку Шах-Али. Обстоятельства буквально толкали Сююн-Бике в объятия крымской партии, готовой не на жизнь, а на смерть биться за власть.

Потеря Горной стороны стала настоящей катастрофой для Казанского юрта: чуваша и черемисы при поддержке государевых служилых людей смогли перерезать все коммуникации ханства (в первую очередь — водные); связь с потенциальными союзниками была утрачена, татары оказались фактически запертыми в Казани¹⁰⁹. Из Крыма помощи также ждать не приходилось: еще в апреле из Рязани «на Поле» были посланы воеводы М.И. Вороной и Г.И. Филиппов-Наумов с целью пресечь возможные попытки крымской конницы прорваться на Среднюю Волгу¹¹⁰. Юрт стоял на краю экономического и

военного коллапса. В этой ситуации партия мира пошла на крайние меры. В июле «арская чуваша» (по всей видимости — арские вотяки) произвела попытку государственного переворота: боевые отряды вотяков ворвались на ханский двор и завязали бой с крымской гвардией Кучака. После разгрома мятежников заговорщики из среды высшей казанской знати спешно бежали из города, найдя убежище при дворе Ивана IV. По приказу русского царя промосковски настроенные князья и мирзы были отправлены в Свияжск — «а велел (Иван IV. — *Н.Б.*) их туто устраивати»¹¹¹.

По предположению Д.А. Котлярова, взбунтовавшаяся «чуваша» была связана с чувашами Горной стороны¹¹², но поспешное бегство представителей промосковской партии из Казани ясно показывает: попытка свержения крымского правительства целиком и полностью исходила от них. Партия мира не добилась захвата власти, в то же время военное выступление заговорщиков ускорило падение правительства Кучака.

Усилившаяся борьба между сторонниками прекращения войны с Россией, опасавшимися дальнейших земельных потерь, и крымским правительством Кучака вынудили последнего бежать из города с вооруженным отрядом, накануне бегства основательно пограбившим столицу ханства («собрався все да пограбя что возможно»). Однако беглецы угодили в засаду, устроенную вятчанами и казаками на одной из вятских переправ. После непродолжительной, но жестокой схватки (из трех сотен татар в живых осталось лишь 46 человек) остатки отряда во главе с Кучаком были взяты в плен и позднее казнены по приказу Ивана IV за свое «жестосердие»¹¹³.

Бегство узурпатора, его пленение и казнь вкупе с полублокадным положением Казани поставило татар в совершенно безвыходное положение. Казанская партия сторонников мира немедленно вступила в переговоры с Шах-Али. Выхлопотав 20-дневное перемирие, послы отправились в Москву, где был заключен долгожданный мирный договор. Казанцы выдавали русскому царю малолетнего хана Утямыш-Гирея, заменяя его царским ставленником Шах-Али, отпускали значительный русский «полон»¹¹⁴. Число освобожденных произвело

сильное впечатление на современников, сравнивавших «исход» 1551 г. с библейским исходом евреев из египетского плена¹¹⁵. Согласно чрезвычайно завышенной оценке Казанского летописца, число пленяников превысило 100 тыс. чел.¹¹⁶; официальный летописец сообщает о 60 тыс. пленных, «которым корм государев давали и в верх Волгою спровадили»¹¹⁷; о «тмочисленном множестве христианского плена», освобожденного «от поганых рук», писал в мае 1552 г. Всероссийский митрополит Макарий¹¹⁸.

Присяга свершилась. Мир с Казанью был заключен. Горная сторона навсегда входила в состав Русского государства, «понеже государь Божиим милосердием да саблюю взял до их (татар. — *Н.Б.*) челобития»¹¹⁹.

Предпринятые в октябре 1551 г. дипломатические попытки казанцев вернуть Горную сторону или хотя бы получать взимаемый с нее русским правительством ясак, встретили резкое противодействие царя Ивана IV, заявившего, что ни единая деньга с чувашских земель не поступит в казну казанского хана¹²⁰. Неудача татарского посольства ясно показывала, что чувашаи навсегда перешли в подданство русского государя. Данный факт имел большое значение для дальнейшего экономического и культурного развития чувашского народа, освободившегося от давления принципиально чуждой культуры господствующей верхушки Казанского юрта.

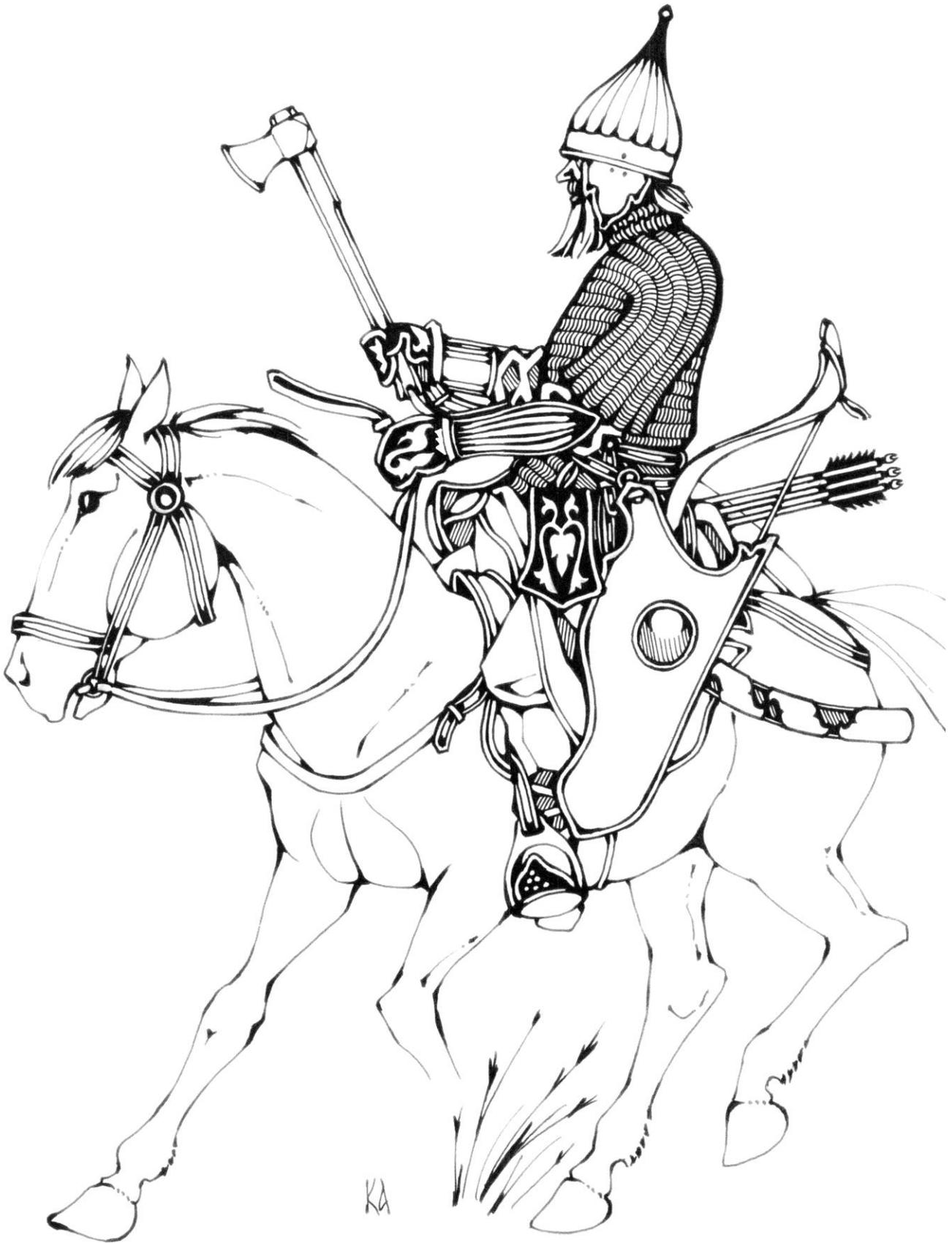
По меткому замечанию профессора Н.В. Никольского, основным элементом в национальном характере чуваш является воля¹²¹. Именно стремление чувашского народа к воле, желание сохранить свою самобытность зачастую толкало его на открытое неповиновение правительству. В 60–70-е гг. XVI столетия немаловажную роль в русско-чувашских отношениях стали играть и вопросы сугубо экономические. Приход на Горную сторону русских помещиков-дворян неизбежно влек за собой незаконный захват обрабатываемых чувашами земель, что вызывало ропот в среде местного населения¹²². В конце 1571 г. оно ответило вооруженным бунтом¹²³. Началась Черемисская война...

Но это было позднее. Сразу же после присоединения Горной стороны чувашское население желало лишь одного — безопасности. В годы острого противостояния Москвы и Казани чувашские земли оказались словно между молотом и наковальней: именно по ним шествовали враждующие армии, именно они становились ареной кровопролитных сражений между московскими полками и лихими татарскими отрядами. Населенные пункты зачастую разорялись, жители уводились в плен. Это был традиционный для той эпохи акт устрашения, по своему внешнему выражению мало чем отличавшийся от грабительского набега... Да и важнейший для войн Средневековья принцип «война кормит войну» тоже никто не отменял! Принимая во внимание свое незавидное положение, «горные люди» готовы были поддержать любую власть, способную обеспечить относительно мирное существование региона.

Военный переворот в Казани 9 марта 1552 г. и последующие безнаказанные рейды татар на волжское правобережье заставили чувашей усомниться в силах русского царя. Они оказались беззащитны перед лицом татарских отрядов. Вновь запылали чувашские селения. Москва не смогла обеспечить безопасность края. И край восстал. В апреле, изъявляя «непослушание великое», чувашаи и черемисы неожиданно перешли на сторону казанских татар. Вместе с казанцами чувашско-черемисские отряды нападали на государевых служилых людей в непосредственной близости от Свияжска. Восстание «горных людей» отнюдь не было локальным — оно охватило всю Горную сторону. Не случайно в этой связи передававший тревожные известия царских воевод летописец заметил, что «все изменили горние люди»¹²⁴. Движение приняло столь угрожающий характер, что против «заворовавшейся» черемисы срочно были брошены значительные военные силы во главе с князем С. Микулинским. Поражение повстанцев и разорение чувашских сел в июле 1552 г. вынудило, наконец, «горных людей» вновь присягнуть на верность царю Ивану¹²⁵. Правда, до конца успокоить край московскому правительству так и не удалось: в 1570-е гг. чувашаи Горной стороны все еще продолжали

заниматься «воровством», организуя дерзкие разбойные нападения на проплывавшие по Волге торговые суда¹²⁶. Затяжное восстание «горной черемисы» против русской власти полыхало и в последние годы правления Грозного, некогда решившегося принять их под свою высокую царскую руку. Усмирял чувашей на сей раз один из лучших военачальников царства князь Д.И. Хворостинин¹²⁷.

Несмотря на весьма непростые отношения с Москвой, путь чувашей к созданию чувашской нации, лежавший через жестокую борьбу за национальное самоопределение, после событий лета 1551 г. был навсегда связан с судьбой Российского государства, во многом оказавшего благотворное влияние на национальное строительство народов Поволжья¹²⁸. В долгосрочной перспективе присоединение Горной стороны к России несомненно стало большим благом для проживавших на ее территории народов. Царский щит отныне надежно прикрывал чувашский край от стремительных набегов кочевников¹²⁹, обеспечивая тем самым мирное прогрессивное развитие региона.

Русский служилый воин XVI в.

Рис. Красникова А.В., 2016 г.

---

¹ Тихомиров М.Н. Присоединение Чувашии к Русскому государству // Советская этнография. — 1950. — № 3. — С. 93.

См. также: Тихомиров М.Н. Присоединение Чувашии к России // Российское государство XV-XVII веков. — М., 1973. — С. 91.

² Там же.

³ В современной научной литературе появление этнонима на страницах русских источников связывается обыкновенно с фактом окончательного оформления современной чувашской народности в кон. XV в. (См. напр.: Макаров В.Ф. По следам болгар, сувар и чувашей (Историко-этнографический обзор). — Чебоксары, 2013. — С. 123).

⁴ Типографская летопись // Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). — Пг., 1921. — Т. 24. — С. 218.

⁵ Герберштейн С. Записки о Московии. В двух томах. — М., 2008. — Т. 1. — С. 406.

⁶ Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. — М., 1962. — С. 468.

⁷ Смирнов А.П. Древняя история чувашского народа (до монгольского завоевания). — Чебоксары, 1948. — С. 18-22.

⁸ Слово о погибели Русской земли // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. — М., 1981. — С. 130.

⁹ Симеоновская летопись // ПСРЛ. — СПб., 1913. — Т. 18. — С. 112.

¹⁰ Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. — Казань, 1923. — С. 10-12.

¹¹ Дмитриев В.Д. Мирное присоединение Чувашии к Российскому государству. — Чебоксары, 2001. — С. 32.

Всего же по подсчетам современного исследователя численность чуваш, проживавших на территории Казанского ханства, составляла порядка 80 тыс. чел. (Хамидуллин Б.Л. Народы Казанского ханства. Этносоциологическое исследование. — Казань, 2002. — С. 167).

¹² Софийская 2-я летопись // ПСРЛ. — СПб., 1853. — Т. 6. — С. 264.

¹³ Хронограф редакции 1512 года // ПСРЛ. — СПб., 1911. — Т. 22. — Ч. 1. — С. 524

Никоновская летопись // ПСРЛ. — СПб., 1904. — Т. 13. — С. 44, 47.

¹⁴ Скрынников Р.Г. Иван Грозный. — М., 2005. — С. 410.

О «крестоносной власти» Ивана IV и ее влиянии на внешнюю политику Московского государства см.: Шмыкова М.Л. Идеологическое обоснование великокняжеской и царской власти в России в конце XV-XVII вв.: Автореф. канд. дис. — Ижевск, 2006. — С. 18-19.

О роли Церкви в организации походов на Казань см.: Флоря Б.Н. Иван Грозный. — М., 2002. — С. 34-35.

О концепции торжества Православия и всемирно-исторической миссии Московского царства см.: Каравашкин А.В. Мифы Московской Руси: Жизнь и борьба идей в XVI в. // Опыт исторической феноменологии. Трудный путь к очевидности. — М., 2003. — С. 144.

¹⁵ Никоновская летопись // ПСРЛ. — СПб., 1904. — Т. 13. — С. 155.

¹⁶ Там же. — С. 155–156.

¹⁷ Там же. — С. 156.

¹⁸ Там же. — С. 158–160.

¹⁹ Шерифи Х. «Зафер наме-и вилайет-и Казан» // Гасырлар авазы – Эхо веков. — 1995. — № 1. — С. 92.

²⁰ Кунцевич Г.З. Два рассказа о походах царя Ивана Васильевича Грозного на Казань в 1550 и 1552 годах. — СПб., 1898. — С. 4-5.

²¹ Никоновская летопись // ПСРЛ. — СПб., 1904. — Т. 13. — С. 160.

Царственная книга // ПСРЛ. — СПб., 1906. — Т. 13. — С. 461.

Казанский летописец. Соловецкий список // ПСРЛ. — СПб., 1903. — Т. 19. — Стб. 61.

Казанский летописец. Список Румянцевского музея // ПСРЛ. — СПб., 1903. — Т. 19. — Стб. 305.

Львовская летопись // ПСРЛ. — СПб., 1914. — Т. 20. — С. 479.

Книга Степенная царского родословия // ПСРЛ. — СПб., 1913. — Т. 21. — С. 641.

Летописец начала царства // ПСРЛ. — М., 1965. — Т. 29. — С. 60.

Александро-Невская летопись // ПСРЛ. — М., 1965. — Т. 29. — С. 159.

Пискаревский летописец // ПСРЛ. — М., 1978. — Т. 34. — С. 185.

Об этом же свидетельствует в своем сочинении князь Курбский (Курбский А.М. История о делах великого князя московского. — М., 2015. — С. 28).

²² Царственная книга уточняет: «...и призывати почал Казаньских князей, которые ис Казани приехали к нему служить, Кострова-князя с товарищы» (Царственная книга // ПСРЛ. — СПб., 1906. — Т. 13. — С. 464). Переход казанского князя Кострова на московскую службу, вероятно, произошел незадолго до царского похода зимы 1549/1550 гг. на Казань, когда князь впервые упоминается в разрядах. (Разрядная книга 1475-1598 гг. — М., 1966. — С. 123).

²³ Казанский летописец. Список Румянцевского музея // ПСРЛ. — СПб., 1903. — Т. 19. — Стб. 303-306.

²⁴ О политических воззрениях автора Казанского летописца см.: Волкова Т.Ф. Казанская история // Словарь книжников и книжности Древней Руси. — Л., 1988. — Вып. 2. — Ч. 1. — С. 451.

²⁵ Никоновская летопись // ПСРЛ. — СПб., 1904. — Т. 13. — С. 160.

²⁶ Там же. — С. 162.

Царственная книга // ПСРЛ. — СПб., 1906. — Т. 13. — С. 464.

²⁷ Никоновская летопись // ПСРЛ. — СПб., 1904. — Т. 13. — С. 160.

²⁸ Казанский летописец. Список Румянцевского музея // ПСРЛ. — СПб., 1903. — Т. 19. — Стб. 305.

²⁹ Летописец начала царства // ПСРЛ. — М., 1965. — Т. 29. — С. 58-59.

³⁰ Михайлова И.Б. «Казанское взятие» и эсхатологические представления Ивана Грозного // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. — СПб., 2013. — Т. 12. — С. 206-207.

³¹ Никоновская летопись // ПСРЛ. — СПб., 1904. — Т. 13. — С. 163.

Сходная точка зрения в последнее время поддерживается московским историком Д.М. Володихиным, так писавшим об основании крепости: «В этом городе с самого начала видели заставу на переднем крае христианства. Военные экспедиции против Казани мыслились царем, митрополитом и их современниками как своего рода крестовые походы. Соответственно, Свияжск

задумывался в качестве твердыни православия, со всех сторон окруженной иноверцами и предназначенной для наступления на "басурманскую веру"». (Володихин Д.М. Воеводы Ивана Грозного. — М., 2014. — С. 154-155; Володихин Д.М. Иван Грозный и его окружение. — М., 2016. — С. 493).

³² Никоновская летопись // ПСРЛ. — СПб., 1904. — Т. 13. — С. 163.

³³ Разрядная книга 1475-1605 гг. — М., 1977. — Т. 1. — Ч. 2. — С. 397.

³⁴ Никоновская летопись // ПСРЛ. — СПб., 1904. — Т. 13. — С. 163.

³⁵ Казанский летописец. Список Румянцевского музея // ПСРЛ. — СПб., 1903. — Т. 19. — Стб. 306-307.

³⁶ Службы и жития преподобных Сергия и Никона Радонежских. — М., 1646. — С. 124.

³⁷ Никоновская летопись // ПСРЛ. — СПб., 1904. — Т. 13. — С. 164.

³⁸ Там же.

³⁹ Упоминание в составе отряда князя Серебряного стрелецкой пехоты само по себе весьма примечательно. По мнению В.В. Пенского, набег Серебряного на казанский посад стал первым «боевым крещением» недавно созданных стрелецких частей. (Пенской В.В. «Центурионы» Ивана Грозного, часть II: Иван Семенов сын Черемисинов [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2012. — Т. III. — С. 243. <http://www.milhist.info/2012/11/19/penskoy_2> (19.11.2012)). В таком случае надо признать, что стрельцы, действовавшие совместно с поместной конницей и казачьими отрядами, прекрасно проявили себя на поле боя, в значительной степени обеспечив успех дерзкого военного предприятия.

⁴⁰ Летописец начала царства // ПСРЛ. — М., 1965. — Т. 29. — С. 61.

⁴¹ Никоновская летопись // ПСРЛ. — СПб., 1904. — Т. 13. — С. 164.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

Новгородская 2-я (Архивская) летопись // ПСРЛ. — М., 1965. — Т. 30. — С. 181.

Новгородская 4-я летопись. Список Н.К. Никольского // ПСРЛ. — Л., 1929. — Т. 4. Ч. 1. — С. 622.

---

⁴⁴ Епифанов П.П. Крепости // Очерки русской культуры XVI века. — М., 1977. — Ч. 1. — С. 322.

⁴⁵ Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда письма и межевания Никиты Васильевича Борисова и Дмитрия Андреевича Кикина (1565–1567 г.). — Казань, 1909. С. 3-7.

Летописец начала царства // ПСРЛ. — М., 1965. — Т. 29. — С. 61.

Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца опричника. — Л., 1925. — С. 113.

⁴⁶ Курбский А.М. История о делах великого князя московского. — М., 2015. — С. 34.

⁴⁷ Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. — Казань, 1923. — С. 125.

⁴⁸ Разрядная книга 1475-1598 гг. — М., 1966. — С. 131.

⁴⁹ Никоновская летопись // ПСРЛ. — СПб., 1904. — Т. 13. — С. 179.

Синодик по убиенных во брани // Состав класса феодалов России в XVI в. — М., 1986. — С. 177.

⁵⁰ Летописец начала царства // ПСРЛ. — М., 1965. — Т. 29. — С. 61.

Царственная книга // ПСРЛ. — СПб., 1906. — Т. 13. — С. 465.

Вологодско-пермская летопись // ПСРЛ. — М.; Л., 1959. — Т. 26. — С. 325-326.

⁵¹ Казанский летописец. Список Румянцевского музея // ПСРЛ. — СПб., 1903. — Т. 19. — Стб. 306-307, 321.

⁵² Разрядная книга 1475-1598 гг. — М., 1966. — С. 131.

Участие служилых татар в летней кампании 1551 г. находит подтверждение и в тексте Казанского летописца (Казанский летописец. Список Румянцевского музея // ПСРЛ. — СПб., 1903. — Т. 19. — Стб. 305).

⁵³ См.: Летописец начала царства // ПСРЛ. — М., 1965. — Т. 29. — С. 61.

Никоновская летопись // ПСРЛ. — СПб., 1904. — Т. 13. — С. 164.

Царственная книга // ПСРЛ. — СПб., 1906. — Т. 13. — С. 466.

Львовская летопись // ПСРЛ. — СПб., 1914. — Т. 20. — С. 481.

Александро-Невская летопись // ПСРЛ. — М., 1965. — Т. 29. — С. 161.

⁵⁴ Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. — М.; Л., 1959. — Т. 26. — С. 312.

-
- ⁵⁵ Воскресенская летопись // ПСРЛ. — СПб., 1859. — Т. 8. — С. 270.
- ⁵⁶ Тихомиров М.Н. Новый памятник московской политической литературы XVI в. // Русское летописание. — М., 1979. — С. 162.
- ⁵⁷ Летописец начала царства // ПСРЛ. — М., 1965. — Т. 29. — С. 61.
- ⁵⁸ Курбский А.М. История о делах великого князя московского. — М., 2015. — С. 34.
- ⁵⁹ Насонов А.Н. Новые источники по истории Казанского «взятия» // Археографический ежегодник за 1960 год. — М., 1962. — С. 9.
- ⁶⁰ Подробнее о дореволюционной и советской историографии вопроса см.: Дмитриев В.Д. Историография присоединения Чувашии к России // Вопросы истории Чувашской АССР. Ученые записки. — Чебоксары, 1970. — Вып. 52. — С. 96-150.
- ⁶¹ Тихомиров М.Н. Присоединение Чувашии к Русскому государству // Советская этнография. — 1950. — № 3. — С. 104.
- ⁶² Гусев Т.Г. Присоединение Чувашии к Русскому государству // Ученые записки ЧНИИ. — Чебоксары, 1950. — Вып. 4. — С. 50-81.
- ⁶³ Паньков И.П. Чуваши в составе Казанского ханства // Материалы по истории Чувашской АССР. — Чебоксары, 1958. — Вып. 1. — С. 95-103.
- ⁶⁴ Нестеров В.А. Чуваши в составе Русского государства во второй половине XVI и начале XVII веков (Очерк социально-политической истории) // Материалы по истории Чувашской АССР. — Чебоксары, 1958. — Вып. 1. — С. 129-149.
- ⁶⁵ Коробов С.А. Прошлое марийского народа. — Йошкар-Ола, 1957. — С. 8-9.
- ⁶⁶ Айплатов Г.Н. Навеки с тобой, Россия. О присоединении Марийского края к Русскому государству. — Йошкар-Ола, 1967. — С. 39-50.
- ⁶⁷ Шмидт С.О. Восточная политика России накануне «Казанского взятия» // Россия Ивана Грозного. — М., 1999. — С. 122.
- ⁶⁸ Зимин А.А., Хорошкевич А.Л. Россия времени Ивана Грозного. — М., 1982. — С. 61.

---

⁶⁹ Бахтин А.Г. Историография проблемы присоединения Марийского края к Российскому государству // Присоединение Марийского края к Российскому государству. Взгляд из XXI века. — Йошкар-Ола, 2005. — С. 16.

⁷⁰ Никоновская летопись // ПСРЛ. — СПб., 1904. — Т. 13. — С. 149-150.

Шмидт С.О. Продолжение Хронографа редакции 1512 года // Исторический архив. — 1951. — Т. 7. — С. 291.

Разрядная книга 1475-1598 гг. — М., 1966. — С. 110.

⁷¹ Дмитриев В.Д. Навеки с русским народом. — Чебоксары, 1976. — С. 22.

⁷² Дмитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма (XVI – начало XIX вв.). — Чебоксары, 1986. — С. 35-36.

См. также: Дмитриев В.Д. Добровольное вхождение Чувашии в состав Русского государства // 425-летие добровольного вхождения Чувашии в состав России. — Чебоксары, 1977.

Дмитриев В.Д. О социально-экономическом строе и управлении в Казанской земле // Россия на путях централизации. — М., 1982. — С. 99.

Дмитриев В.Д. Чувашские исторические предания. — Чебоксары, 1993. — С. 80-89.

Дмитриев В.Д. Мирное присоединение Чувашии к Российскому государству. — Чебоксары, 2001. — С. 72.

⁷³ История СССР с древнейших времен до наших дней. — М., 1966. — С. 170-171.

История Чувашской АССР. — Чебоксары, 1983. — Т. 1. — С. 67.

История Марийской АССР. — Йошкар-Ола, 1986. — Т. 1. — С. 54-60.

История Татарской АССР. — Казань, 1955. — Т. 1. — С. 135-136.

⁷⁴ Бахтин А.Г. XV-XVI века в истории Марийского края. — Йошкар-Ола, 1998. — С. 95-103.

Бахтин А.Г. Русское государство и Казанское ханство: межгосударственные отношения в XV-XVI веках: Автореф. докт. дис. — М., 2001. — С. 36.

Бахтин А.Г., Хамидуллин Б.Л. Политическая история Казанского ханства // История татар с древнейших времен. В семи томах. — Казань, 2014. — Т. 4. — С. 328.

В своих работах исследователь говорит о том, что присоединение чувашских земель к Москве «произошло хотя и мирно, но отнюдь не добровольно, а вынужденно».

⁷⁵ Котляров Д.А. Московская Русь и народы Поволжья в XV-XVI вв.: У истоков национальной политики России. — Ижевск, 2005. — С. 241.

Справедливости ради надо заметить, что в своей недавней работе исследователь уклонился от столь однозначных заявлений, заметив лишь, что строительство Свияжской крепости «вызвало приход... делегаций с челобитием» (Котляров Д.А. «Вся земля Казанская» в 1521-1551 гг. // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. — СПб., 2016. — Вып. 5. — С. 392).

⁷⁶ Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. — Казань, 1923. — С. 105-106.

Моисеев М.В. Политическая борьба казанской знати: историография и русские источники // Средневековые тюрко-татарские государства. — Казань, 2013. — Вып. 5. — С. 28.

⁷⁷ Положение рядового крестьянства Казанского юрта резко ухудшилось с прибытием в Казань нескольких сотен крымских феодалов (Хамидуллин Б.Л. Народы Казанского ханства. Этносоциологическое исследование. — Казань, 2002. — С. 177). Таким образом, не только оттесненная от управления местная знать, но и трудовые массы ханства были равно заинтересованы в свержении ненавистных крымских правителей.

⁷⁸ Никоновская летопись // ПСРЛ. — СПб., 1904. — Т. 13. — С. 149.

⁷⁹ Разрядная книга 1475-1598 гг. — М., 1966. — С. 110.

Шмидт С.О. Продолжение Хронографа редакции 1512 года // Исторический архив. — 1951. — Т. 7. — С. 291.

Никоновская летопись // ПСРЛ. — СПб., 1904. — Т. 13. — С. 149-150.

⁸⁰ Летописец начала царства // ПСРЛ. — Т. 29. — М., 1965. — С. 61.

⁸¹ Зимин А.А. Краткие летописцы XV-XVII вв. // Исторический архив. — М.; Л., 1950. — Т. 5. — С. 18.

⁸² Дмитриев В.Д. Мирное присоединение Чувашии к Российскому государству. — Чебоксары, 2001. — С. 75.

---

⁸³ Летописец начала царства // ПСРЛ. — М., 1965. — Т. 29. — С. 62-63.

⁸⁴ По подсчетам Ш.Ф. Мухамедьярова, чувашские крестьяне несли до 19 различных повинностей в пользу господина и казанского хана. Практиковались также и незаконные поборы крестьян со стороны татарских феодалов, что делало положение крестьянства особенно тяжелым (Мухамедьяров Ш.Ф. К вопросу о положении крестьянства в Казанском ханстве // Из истории классовой борьбы и общественной мысли в Поволжье и Приуралье. — Казань, 1962. — С. 143; Мухамедьяров Ш.Ф. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV — первая половина XVI вв.). — Казань, 2012. — С. 152).

⁸⁵ Летописец начала царства // ПСРЛ. — М., 1965. — Т. 29. — С. 62.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ См. напр.: Петрякович Г. Поволжье в XV и XVI веках (Очерки из истории края и его колонизации). — М., 1877. — С. 193.

Коробов С.А. Прошлое марийского народа. — Йошкар-Ола, 1957. — С. 9.

Айплатов Г.Н. Навеки с тобой, Россия. О присоединении Марийского края к Русскому государству. — Йошкар-Ола, 1967. — С. 47.

Тихомиров М.Н. Присоединение Чувашии к России // Российское государство XV–XVII веков. — М., 1973. — С. 108.

Дмитриев В.Д. Мирное присоединение Чувашии к Российскому государству. — Чебоксары, 2001. — С. 77; Флоря Б.Н. Иван Грозный. — М., 2002. — С. 36-37.

Свечников С.К. Присоединение Марийского края к Русскому государству. — Йошкар-Ола; Казань, 2014. — С. 189, 192.

Шапошник В.В. Иван Грозный. — СПб., 2015. — С. 105.

Котляров Д.А. Московская Русь и народы Поволжья в XV-XVI вв.: У истоков национальной политики России. — Ижевск, 2005. — С. 241.

Котляров Д.А. «Вся земля Казанская» в 1521–1551 гг. // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. — СПб., 2016. — Вып. 5. — С. 392.

⁸⁹ Зимин А.А., Хорошкевич А.Л. Россия времени Ивана Грозного. — М., 1982. — С. 61.

-
- ⁹⁰ Летописец начала царства // ПСРЛ. — М., 1965. — Т. 29. — С. 62.
- ⁹¹ Там же. — С. 68.
- ⁹² Казанский летописец. Соловецкий список // ПСРЛ. — СПб., 1903. — Т. 19. — Стб. 63.
- ⁹³ Тихомиров М.Н. Присоединение Чувашии к России // Российское государство XV-XVII веков. — М., 1973. — С. 108.
- ⁹⁴ Герберштейн С. Записки о Московии. В двух томах. — М., 2008. — Т. 1. — С. 407.
- ⁹⁵ Гваньини А. Описание Московии. — М., 1997. — С. 57.
- ⁹⁶ Летописец начала царства // ПСРЛ. — М., 1965. — Т. 29. — С. 62.
- ⁹⁷ Там же.
- ⁹⁸ Там же.
- ⁹⁹ Там же.
- ¹⁰⁰ Там же. — С. 63.
- ¹⁰¹ По словам В.Д. Дмитриева, в ханстве «шел процесс массового отатаривания чувашей левобережья Волги. Правобережные чувашаи, за исключением присвияжских, сопротивлялись исламизации. Однако угроза отатаривания и полного исчезновения чувашского народа существовала» (Дмитриев В.Д. Мирное присоединение Чувашии к Российскому государству. — Чебоксары, 2001. — С. 37). В.Ф. Макаров также заключил, что присоединение чувашского края к России «предотвратило исчезновение чувашского этноса в результате отатаривания через принятие ислама» (Макаров В.Ф. По следам болгар, сувар и чувашей (Историко-этнографический обзор). — Чебоксары, 2013. — С. 143).
- ¹⁰² Летописец начала царства // ПСРЛ. — М., 1965. — Т. 29. — С. 63.
- ¹⁰³ Там же.
- ¹⁰⁴ Зимин А.А. Краткие летописцы XV-XVII вв. // Исторический архив. — М.; Л., 1950. — Т. 5. — С. 18-19.
- ¹⁰⁵ Книга Степенная царского родословия // ПСРЛ. — СПб., 1913. — Т. 21. — С. 641.
- ¹⁰⁶ Алишев С.Х. Болгаро-казанские и золотоордынские отношения в XIII-XVI вв. — Казань, 2009. — С. 145, 152.

См. также: Тихомиров М.Н. Присоединение Чувашии к России // Российское государство XV-XVII веков. — М., 1973. — С. 97-98.

Хамидуллин Б.Л. Народы Казанского ханства. Этносоциологическое исследование. — Казань, 2002. — С. 213.

¹⁰⁷ Казанский летописец. Список Румянцевского музея // ПСРЛ. — СПб., 1903. — Т. 19. — Стб. 321.

¹⁰⁸ Там же. — Стб. 322.

¹⁰⁹ Летописец начала царства // ПСРЛ. — М., 1965. — Т. 29. — С. 63.

¹¹⁰ Разрядная книга 1475–1598 гг. — М., 1966. — С. 132.

¹¹¹ Летописец начала царства // ПСРЛ. — М., 1965. — Т. 29. — С. 63.

¹¹² Котляров Д.А. Московская Русь и народы Поволжья в XV–XVI вв.: У истоков национальной политики России. — Ижевск, 2005. — С. 242.

Котляров Д.А. «Вся земля Казанская» в 1521-1551 гг. // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. — СПб., 2016. — Вып. 5. — С. 392.

¹¹³ Летописец начала царства // ПСРЛ. — М., 1965. — Т. 29. — С. 63.

¹¹⁴ Там же. — С. 63-64.

¹¹⁵ Там же. — С. 66.

¹¹⁶ Казанский летописец. Соловецкий список // ПСРЛ. — СПб., 1903. — Т. 19. — Стб. 75.

¹¹⁷ Летописец начала царства // ПСРЛ. — М., 1965. — Т. 29. — С. 66.

¹¹⁸ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. — СПб., 1841. — Т. 1. — № 159. — С. 287.

¹¹⁹ Летописец начала царства // ПСРЛ. — М., 1965. — Т. 29. — С. 64.

¹²⁰ Там же. — С. 67-68.

¹²¹ Никольский Н.В. Краткий курс этнографии чуваш. — Чебоксары, 1928. — С. 28.

¹²² Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. — М., 1962. — С. 473.

¹²³ Бахтин А.Г. Черемисские войны 70–90-х гг. XVI в. // История татар с древнейших времен. В семи томах. — Казань, 2014. — Т. 5. — С. 92.

¹²⁴ Никоновская летопись // ПСРЛ. — СПб., 1904. — Т. 13. — С. 175-179.

¹²⁵ Там же. — С. 198.

---

¹²⁶ Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца опричника. — Л., 1925. — С. 98.

¹²⁷ Разрядная книга 1475–1605 гг. — М., 1984. — Т. 3. — Ч. 2. — С. 6.

¹²⁸ Алишев С.Х. Прогрессивные последствия присоединения Среднего Поволжья к Русскому государству // Развитие гуманитарных наук в Татарии. — Казань, 1977. — С. 48-51.

По подсчетам В.Д. Дмитриева, после вхождения чувашских земель в состав России территория расселения чувашей увеличилась не менее чем вчетверо (Дмитриев В.Д. Чувашские исторические предания. — Чебоксары, 1993. — С. 131). Солидарен с мнением исследователя и В.П. Иванов, отметивший, что «освоение "дикого поля" привело к значительному расширению основной этнической зоны обитания чувашей» (Иванов В.П. Чувашское население // История татар с древнейших времен. В семи томах. — Казань, 2014. — Т. 5. — С. 330). Следует принять в расчет и активную просветительскую деятельность российского правительства, в более позднее время способствовавшую рождению и дальнейшему становлению чувашской культурной элиты.

¹²⁹ А.Г. Бахтин отмечает, что проезд по территории чувашских земель астраханских и ногайских торгово-посольских делегаций своими вовсе не мирными проявлениями «больше напоминал вражеский набег» (Бахтин А.Г. XV-XVI века в истории Марийского края. — Йошкар-Ола, 1998. — С. 46). Практиковались также и неприкрытые набеги ногайских татар на территорию «черемисы» (Там же. — С. 49; Дмитриев В.Д. Мирное присоединение Чувашии к Российскому государству. — Чебоксары, 2001. — С. 37).